

ГЛАВА 1

МАРК

Зайдя в кухню за новой бутылкой, я понимаю, что вино ударило мне в голову. Сейчас я достиг той идеальной стадии опьянения, когда ты выпил уже достаточно, тебе тепло и ты позабыл обо всех бедах. Я слышу фирменный смех Клары — зловеший хохот, способный распугать по углам привидения. И где-то среди раскатов этого громогласного хохота мне слышится нежный, робкий смех Стеф — я уже много недель не слышал ее смеха. С тех самых пор.

Стараясь не думать о том, что случилось в кладовке, я беру пачку чипсов с нижней полки шкафа. Парень Клары принес нам в подарок дорогое красное вино и, отдавая его мне, сказал, что не стоит пить его сегодня, такое вино лучше приберечь для какого-нибудь праздника, но я уверен, что и сейчас никто от него не откажется. Я открываю пачку и запихиваю в рот горсть чипсов, а потом тянусь за бутылкой на заставленном посудой столе, но в этот момент включается наш новый прожектор с датчиком движения на заднем дворе. Вздвогнув, я роняю бутылку, и она разбивается на множество грязных осколков, а лежавшие на верхней тарелке в груде немытой посуды ножи и вилки с грохотом валятся на пол.

Я обмираю — всего на мгновение, как мне кажется. Грохот оглушает меня, звон взвивается крещендо, а затем сходит на нет. Теперь и мои ноги, и пол вокруг усыпаны осколками, вилками и ножами, но я не могу отвести взгляд от окна, я всматриваюсь в этот свет, будто надеюсь, что прожектор отпугнет всех чудовищ.

Но на самом деле проходит вовсе не одно мгновение, не одна секунда, а куда больше, потому что, когда прожектор гаснет, так и не открыв причину срабатывания, вдруг оказывается, что вокруг царит ватная тишина, а потом слышится какой-то шорох — кто-то стоит в дверном проеме.

— Марк? — Я слышу голос Стеф, но не могу заставить себя оглянуться. — С тобой все в порядке, милый?

Наконец-то мне удастся отогнать наваждение.

— Да. Прости, я просто... что-то уронил.

Стеф подходит ко мне, ступая босыми ногами по усеянному битым стеклом полу.

— Осторожнее, ты порежешься, — говорю я.

Но она меня не слушает. Пройдя на цыпочках к окну, она всматривается в темноту двора.

— Ты что-то увидел? — мягко спрашивает она. — Кого-то?

— Нет, я... Наверное, кошка пробежала...

— Ты точно в порядке? — Стеф сжимает мою руку.

— Да, все хорошо.

Но мне стыдно за свою эскападу, и потому я поскорее беру другую бутылку вина и веду Стеф в обход осколков в гостиную, будто это ей нужна сейчас моя поддержка. На самом деле рядом с этой сильной, волевой молодой женщиной я чувствую себя беспомощным и уязвимым.

— Давай выпьем, пока у нас еще есть такая возможность.

— Звучит зловеще. — Стеф пристально смотрит на меня.

— Я имел в виду, пока мы можем насладиться вином.

— Знаешь, тебе правда стоило бы сохранить такое хорошее вино до лучших времен. После еды не уловишь его знаменитый шоколадный привкус, — говорит приятель Клары.

Я забыл, как зовут нового «друга» Клары. Он подошел к музыкальному центру и подключает к нему мобильный — наверное, хочет включить какую-то новомодную песню с непристойным текстом.

— Знаменитый шоколадный привкус? — осведомляется Клара. Она сидит за столом, изо всех сил притворяясь, будто не слы-

шала грохота в кухне. — Чем же он знаменит, отвратительностью? «Дуивель-фонтен» — просто разрекламированная дрянь для пижонов. Без обид, Деймон, дорогой.

— Без обид, кисонька.

Я сажусь за стол и смотрю на Деймона, думая: что у него происходит с Кларой? Знает ли он, что Клара меняет парней как перчатки и он просто очередное ее увлечение? Зачем он ей вообще нужен? И зачем она нужна ему? Он лет на двадцать пять моложе ее, но, впрочем, я и сам на... На сколько? Мне приходится сосредоточиться, чтобы вспомнить, — на двадцать три года старше Стеф. Я забываю об этом каждый день. Я не чувствую, что мне уже сорок семь, не чувствую, что молодость миновала. Я не могу позволить себе даже представить, каким меня видит Стеф: обрюзгшим, дряблокожим, жалким, усталым, потрепанным жизнью неудачником. Наверное, она находит в этом какой-то извращенный фетиш.

Стеф становится за моей спиной и принимается массировать мне плечи. Когда она склоняется ко мне и ее волосы, источающие аромат травяного шампуня и специй, которыми она приправляла ужин, касаются моего лица, все мысли о собственной несостоятельности улетучиваются.

— Я поднимусь проверю, как там Хейден.

— Уверен, с ней все в порядке. У нас же радионяня, вон приемник лежит. Мы бы услышали.

— Просто проверю.

— Конечно. Ладно. Спасибо.

— Если ее не разбудил смех Клары, то так просто ее не разбудишь, — говорит Деймон в спину Стеф, как будто он когда-то видел нашу дочь, как будто он ее знает.

Клара улыбается и закатывает глаза. Я все еще не понимаю, как они могут быть вместе.

Я отпиваю вино — по вкусу оно ничуть не напоминает шоколад — и прислушиваюсь к ленивым завываниям певца, льющимся из музыкального центра. Я пытаюсь вернуть блаженное чувство идеального опьянения.

— Ты как? — спрашивает меня Клара. — Ну, на самом деле? Я пожимаю плечами и, вздохнув, смотрю на Деймона.

— Не волнуйся, я в курсе, — говорит он. — Мне очень жаль. То же случилось с моим братом.

Стеф возвращается, кивком давая мне понять, что с Хейден все в порядке.

— Прекрати, Деймон, — осаживает своего парня Клара, когда Стеф садится за стол.

Но тот не может сдержаться:

— Эта страна катится ко всем чертям, точно вам говорю. В других станах все иначе, знаете... Если кто-то хочет что-то украсть, он не станет пытаться и...

— Слушай, — говорю я, — я не хочу об этом говорить.

— И не надо перебивать его, чтобы защитить меня от таких разговоров, Клара, — добавляет Стеф. — Я сама способна за себя постоять.

— Да, — говорю я Кларе. — На самом деле Стеф великолепно справляется.

«Намного лучше, чем я», — хочется признать мне. Я опускаю руку на колено Стеф под столом, и она сжимает мои пальцы.

— Ох, простите, — раздраженно отвечает Деймон. — Это не мое дело.

— Все в порядке. Просто, знаешь...

— Я лишь пытаюсь сказать, что все понимаю, — перебивает он. — Подобное дерьмище происходит со многими людьми в этих краях. И это неправильно.

— Да. Да, неправильно.

— Послушай, дорогуша, ты не мог бы заткнуться со своим пониманием и не влезать, когда мой друг говорит? — шипит Клара.

— Выйду покурю. Помогает заткнуться, знаешь ли.

Он встает и направляется к входной двери. Мне приходится сдерживаться, чтобы не запретить ему выходить, открывать дверь, надежную дверь на замке. Клара, сидя во главе стола, незаметно протягивает ногу, касается голыми пальцами моей лодыжки

и проводит ими по голени. Не знаю, что это должно означать. Наверное, этот жест — что-то вроде дружеских объятий или похлопывания по спине, ей просто лень вставать. Я должен так думать, поскольку прошла целая вечность с тех пор, как мы с Кларой были любовниками. Стеф сидит рядом со мной, но ничего не замечает.

— Он не против, что ты так с ним говоришь? — спрашиваю я.

— Переживет. — Клара пожимает плечами. — Ему не помешает научиться хорошим манерам.

— Не понимаю я тебя...

Но Клара не обращает внимания на мои слова.

— Вы хоть к психологу ходите?

— Я? — переспрашиваю я.

— Вы оба. Вы все. Такие события могут оставить след в психике ребенка. Вам стоит отправить Хейден на арт-терапию.

— Мы не можем себе этого позволить, — отвечает Стеф. — Даже если бы считали, что это ей поможет.

— Но разве полиция не предлагала вам помощь психолога?

— Предлагала, — уклончиво отвечаю я.

Так все и было. На следующий день после случившегося мы, как и полагается, приняли душ, вырядились в новую одежду из «Пеп» и отправились в отделение полиции в Вудстоке. Полицейские оказались на удивление вежливыми и посочувствовали нам, хотя мы и выглядели куда лучше набившихся в приемную пострадавших: избитые, в рваной одежде, они ждали, когда их примут. Нас провели мимо комнаты регистрации арестованных в небольшой кабинет в конце длинного коридора. Из окна я увидел на противоположной стороне двора здание, где содержались задержанные: зарешеченные окна прикрыты изнутри рваными гардинами, стены потрескались и облупились, будто сам этот дом вскипал от злобы, переполняясь ядовитой дрянью. Психологом в этом отделении работала милая, доброжелательная и преисполненная энтузиазма женщина — из тех, кто не позволит натиску чудовищной реальности сломить себя. Она готова была потратить на нас столько времени, сколько будет нужно.

